

Петръ Кузьмичъ Козловъ.

(Русскій изслѣдователь Центральной Азіи).

(Окончаніе).

ри года спустя по возвращеніи П. К. Козлова въ отечество, въ Петербургъ, гдѣ онъ весь ушелъ въ разработку богатыхъ научныхъ результатовъ, въ Монголіи случилось замѣчательное событіе: въ эту страну прибылъ Далай-Лама, и въ сѣверной ея части, въ Ургѣ—своего рода монгольской Лхасѣ — расположился на долгое пребываніе.

...Двадцать шестого іюля 1904 года, въ два часа ночи, Далай-Лама, верховный представитель Тибета, оставилъ свою столицу, и, въ сообществѣ лишь самыхъ преданныхъ лицъ: Сойбонъ-хамбо, Чотбонъ-хамбо, Эмчи-хамбо (врача), Агвана Доржіева и восьми чело­вѣкъ слугъ-оруженосцевъ, поспѣшно направился къ сѣверу, по обычной дорогѣ монгольскихъ паломниковъ. Что же вынудило главу буддійской церкви экстренно оставить Лхасу?—Англійская военная экспедиція полковника Йонгхѣзбенда, авангардъ которой уже появился въ долину рѣки Брамапутры... Первые дни Далай-Лама слѣдовалъ, соблюдая *incognito*, но затѣмъ, около Накъ-чю, онъ уже не скрывалъ себя передъ народомъ. Послѣдній, предчувствуя недоброе, повергся въ уныніе и горько плакалъ. Въ Накъ-чю была сдѣлана продолжительная, почти недѣльная остановка, въ теченіе которой удалось заготовить обстоятельно, на предстоящую трудную пустынную дорогу. Отсюда Далай-Лама послалъ въ Лхасу дополни­тельные распоряженія.

¹⁾ См. „Русская Старина“ апрѣль 1911 г.

На сколько было возможно, Агванъ Доржіевъ ¹⁾ старался облегчить путь его святѣйшества, уѣзжая впередъ курьеромъ и приготавливая въ людныхъ пунктахъ подводы, продовольствіе и проч. Населеніе, прослышавъ о путешествіи Далай-Ламы, быстро группировалось въ извѣстныхъ молитвенныхъ центрахъ, гдѣ происходило

¹⁾ По описанію П. К. Козлова, Агванъ Доржіевъ — бывалый и очень свѣдущій человекъ. Онъ хорошо знаетъ Россію, неоднократно также видѣлъ Парижъ, Берлинъ, Вѣну, Лондонъ. Знакомъ съ Западной Европой, затѣмъ съ Индіей, восточнымъ Китаемъ и Японіей, онъ не забывалъ и внутренней или Центральной Азіи. Послѣдняя изъѣжена имъ, что называется, вдоль и поперекъ. Любопытно вспомнить прошлое этого замѣчательнаго человека.

Около тридцати лѣтъ тому назадъ, молодой лама, уроженецъ Харашинбирскаго улуса, Харинской степной думы, покинулъ предѣлы Забайкалья съ тѣмъ, чтобы съ караваномъ паломниковъ пробраться въ трудно доступный Тибетъ. Что же влекло его туда? Неужели одно желаніе поклониться буддійскимъ святынямъ?

Несомнѣнно, имъ руководили другія цѣли... Для религіознаго паломничества онъ былъ слишкомъ молодъ; это былъ удѣлъ лишь пожилыхъ людей, а ему едва исполнилось двадцать лѣтъ. Дѣйствительно, его манилъ Тибетъ, какъ сокровище буддійской философіи, гдѣ онъ могъ лучше всего познать основное свойство „ученія, налагающаго сущность мудрости“. Пытливый умъ молодого монаха не могъ мириться съ жалкимъ прозябаніемъ зауряднаго ламы у себя за Байкаломъ. Молодой Доржіевъ ясно понималъ и видѣлъ, что монгольскіе и бурятскіе ламы, пройдя въ Тибетъ полный курсъ избранной спеціальности, и получивъ тамъ одну изъ высшихъ ученыхъ степеней, пріобрѣтеніе которыхъ въ Монголіи невозможно, всегда пользовались громаднымъ авторитетомъ среди прочаго ламства. На нихъ другіе ламы смотрѣли съ большимъ почтеніемъ и тайной завистью. Эти ученые ламы всегда занимали высшія мѣста въ ламской іерархіи и вліяли на весь строй жизни своихъ сородичей. Зная это, молодой монахъ, чтобы не остаться обыкновеннымъ ламой у себя на родинѣ, рѣшилъ набраться знаній въ Тибетѣ, чувствуя для этого въ себѣ достаточную энергію и способность. И вотъ, по прибытіи въ Лхасу, Доржіевъ дѣлается скромнымъ студентомъ, изучающимъ высшую догматику буддизма — цангъ. Упорная работа и особенный складъ ума, умѣющаго легко разбираться въ дебряхъ буддійской схоластики, а также выдающійся талантъ Доржіева заставили обратить на него особое вниманіе старѣйшихъ ламъ. Мало-по-малу, проходя всѣ ступени буддійской іерархіи, онъ становится изъ безвѣстнаго ламы-пришельца крупной величины среди лхаскаго ламства.

Впослѣдствіи, въ теченіе четверти вѣка, Агванъ Доржіевъ достигаетъ не только высшихъ ученыхъ ламскихъ степеней, но и становится ближайшимъ совѣтникомъ Далай-Ламы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и руководителемъ политики властителя Тибета. Насколько трудно было достичь этого, можно судить по тому, что къ престолу Далай-Ламы стремятся многія тысячи ламъ, и десятки тысячъ глазъ ревниво слѣдятъ за всѣмъ тѣмъ, что дѣлается у престола перерожденца. Обладая исключительнымъ тактомъ и

торжественное богослуженіе, въ присутствіи главы буддійской церкви, и куда единовѣрцы щедро несли дары мѣстной природы, стараясь всячески выразить верховному правителю Тибета ихъ полную готовность служить ему на всемъ дальнѣйшемъ пути.

Съ пріѣзда Далай-Ламы въ Ургу, монголы, буряты, калмыки неудержимо устремились на поклоненіе его святѣйшеству и наводнили собою Богдо-курень и его окрестности. Обаяніе Далай-Ламы росло съ каждымъ днемъ; монастырь Ганданъ, гдѣ основался тибетскій владыка, пріобрѣлъ большую популярность. Жизнь въ Ургѣ забила ключемъ. Ургинскіе храмы денно и ношно призывали молящихся. Всѣ только и говорили о великомъ Далай-Ламѣ; мѣстные обитатели, казалось, утратили всякій интересъ.

Излишне говорить, до какого напряженія дошло вниманіе всѣхъ тѣхъ лицъ, которымъ были близки и понятны интересы Тибета и которые слѣдили за каждымъ шагомъ англійской военной экспедиціи, болѣя душой за беззащитныхъ тибетцевъ...

Пятаго апрѣля, 1905 года, состоялось Высочайшее повелѣніе о четырехмѣсячномъ командированіи капитана Козлова въ Ургу, а пятнадцатаго апрѣля онъ уже выѣхалъ изъ Петербурга, имѣя съ собою переводчика монгольскаго языка и около двадцати пудовъ громоздкаго багажа. Поѣздка П. К. Козлова мотивировалась пріѣтствіемъ Далай-Ламы и поднесеніемъ ему и его свитѣ подарковъ, отъ имени Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Въ Кяхтѣ окончательно была сформирована маленькая экспедиція, и П. К. Козловъ въ двадцатыхъ числахъ мая уже вступилъ въ Ургу, остановившись, согласно желанію Далай-Ламы, въ близкомъ сосѣдствѣ съ монастыремъ Ганданъ—резиденціей его святѣйшества.

железной волей, Доржіевъ шагаетъ черезъ головы тысячи ламъ, успешно проходитъ всѣ ступени буддійской схоластики и блистательно выдерживаетъ всѣ публичные диспуты и состязанія.

Въ настоящее время Агванъ Доржіевъ состоитъ при Далай-Ламѣ цанптъ-хамбо-ламой и имѣетъ высшую ученую степень лхарамбы. *Насколько важна и почетна эта степень, ссылаемся на авторитетное показаніе профессора А. М. Позднѣва: „Ламы, прослушавшіе курсъ тарнистическаго ученія—отдѣлъ магіи и заклинаній — получаютъ степень лгарамбы. Наконецъ, выдержавшіе цанитское или высшее догматическое состязаніе предъ кумиромъ лхасскаго Цзу, удостоиваются степени лхарамбы, но таковыхъ въ Монголіи, кажется, вовсе не имѣется, по крайней мѣрѣ, мнѣ никогда не приходилось встрѣчать ни одного лхарамбы, да и собесѣдники мои монголы не могли припомнить мнѣ, кто бы изъ монголовъ получилъ эту степень“.*

Такова въ общихъ чертахъ Одиссея нашего забайкальца, ставшаго повѣреннымъ въ дѣлахъ Тибета, ближайшимъ совѣтникомъ Далай-Ламы и представителемъ тибетскаго правительства въ С.-Петербургѣ...

„Урга, говоритъ П. К. Козловъ, привольно раскинулась въ обширной долинь рѣки Толы и издали производить гораздо лучшее впечатлѣніе, нежели вблизи; впрочемъ, это—общая характеристика почти всѣхъ населенныхъ пунктовъ въ Азіи, хотя Урга своею ужасною грязью, вѣроятно, превосходитъ все, по крайней мѣрѣ, видѣнное мною въ Азіи. Здѣсь человѣческой лѣни потворствуютъ собаки, которыя являются даровыми и единственными санитарями. Ургинскіе уличные псы очень свирѣпы, въ особенности въ ночное время, когда многіе обитатели опасаются пѣшкомъ выходить изъ дома, изъ боязни подвергнуться съ ихъ стороны серьезнымъ нападеніямъ. Наиболѣе опасны собаки-людодѣды, пожирающія трупы умершихъ туземцевъ или карающія появленія подобныхъ подачекъ. Въ высшей степени омерзительны картины поѣданія собаками покойниковъ, но не менѣе неприятны и тѣ, когда наблюдаешь, какъ ургинскіе нищіе вступаютъ въ драку съ мѣстными псами при оспариваніи отбросовъ“.

Къ югу отъ Урги красуется „дѣвственная“ гора Богдо-ула, почитаемая монголами за святую, съ чуднымъ лѣсомъ, ревниво оберегаемымъ со всѣмъ его животнымъ царствомъ, заботами монастырей: Ганданъ и Майтрея.

Между монастырями величились своими національными постройками русскія и китайскія торговыя колоніи. Немного выше, по долинь рѣки, устроены управленія владѣтелей края и ихъ цитадель съ незначительнымъ гарнизономъ. Еще восточнѣе расположены: русское консульство и русско-китайскій банкъ, за которымъ, въ двухъ верстахъ, стоитъ китайскій городокъ Май-ма-ченъ.

Опрятнѣе и живописнѣе прочихъ расположена новая резиденція ургинскаго богдо-гэгэна, симпатизирующаго русской архитектурѣ домовъ и вообще многому русскому, и примѣняющагося въ своей домашней обстановкѣ ко вкусу русскаго зажиточнаго класса людей. Его деревянный двухъэтажный домъ скопированъ съ дома русскаго консульства; говорятъ, и внутри онъ обставленъ предметами европейской роскоши.

По словамъ П. К. Козлова Далай-Лама состоитъ въ тринадцатомъ перерожденіи, и являетъ собою молодого изящнаго тибетца, съ темными глазами, съ лицомъ, слегка попорченнымъ оспой и носящимъ слѣды великой озабоченности, подавленности. Его душевное спокойствіе сильно нарушено политикой англичанъ; онъ сдѣлался нервнымъ, раздражительнымъ... Спять Далай-Лама не много: встаетъ съ утренней зарей, ложится въ полночь, а то и позже. Обыкновенно, это время отмѣчается духовнымъ оркестромъ, исполняющимъ, въ ночной тиши, аккомпаниментъ молитвъ тибет-

Далай-Лама —
(в 13-мъ перерожденіи).

འཇམ་དཔལ་ལྷན་པོའི་འཕམ་པོ་ལྷན་པོ་
འཇམ་དཔལ་ལྷན་པོའི་འཕམ་པོ་ལྷན་པོ་
འཇམ་དཔལ་ལྷན་པོའི་འཕམ་པོ་ལྷན་པོ་
འཇམ་དཔལ་ལྷན་པོའི་འཕམ་པོ་ལྷན་པོ་
འཇམ་དཔལ་ལྷན་པོའི་འཕམ་པོ་ལྷན་པོ་

скаго первосвященника. Весь день у него наполненъ занятіями свѣтскими и религіозными. Помѣщается онъ въ небольшомъ красивомъ монастырскомъ флигелѣ, раздѣленномъ на два этажа. Въ верхнемъ этажѣ у Далай-Ламы рабочій кабинетъ и спальня, въ нижнемъ—пріемная. Весь штатъ при немъ исчисляется въ пятьдесятъ человекъ тибетцевъ, наполовину принадлежащихъ къ чиновничьему духовному званію. Днемъ, почти безотлучно, при немъ состоятъ два министра и столько же секретарей; ночью, въ роли „няни“—симпатичнѣйшій старичекъ Сойбонъ-хамбо и три юныхъ тибетца въ качествѣ приближенныхъ слугъ-охранителей. Дворъ свой Далай-Лама держитъ въ большой строгости.

Будучи отличнымъ проповѣдникомъ, мыслителемъ, говорятъ, даже глубокимъ философомъ въ области буддійской философіи, глава буддійской церкви, въ то же время, по отношенію къ свѣтскимъ дѣламъ, незамѣнимый дипломатъ, заботящійся о благѣ народа. Ему не достаетъ лишь европейской утонченности. Со времени вступленія на престолъ, верховный правитель Тибета уже успѣлъ ознаменовать свою дѣятельность слѣдующими отрадными явленіями: отміной смертной казни, обузданіемъ чиновничьяго произвола, устраненіемъ злоупотребленій китайскихъ властей, обравшихъ тибетцевъ, поднятіемъ народнаго просвѣщенія и проч.

Надо полагать, что только однѣ выдающіяся умственные способности помогли Далай-Ламѣ избѣжать превратности судьбы. Предшественникъ настоящаго перерожденца едва достигъ двадцатилѣтняго возраста, какъ уже и умеръ; одиннадцатый перерожденецъ жилъ еще менѣе—около восемнадцати лѣтъ. Въ тринадцатомъ или современномъ перерожденіи, по опредѣленію свыше, безъ метанія жребія, Далай-Лама обнаружилъ себя въ четырехстахъ верстахъ къ юго-западу отъ Лхасы, въ округѣ Дакъ-бо. Трехлѣтнимъ ребенкомъ онъ былъ торжественно перемѣщенъ въ Лхасу, въ одинъ изъ ближайшихъ горныхъ монастырей, Ригя, гдѣ проживалъ до пятилѣтняго возраста. Позднѣе, его перенесли въ духовномъ паланкинѣ съ установленными почестями въ Потал-ы и посадили на тронъ. Съ семи лѣтъ онъ началъ изучать грамоту, а къ двадцати, или совершеннолѣтію, закончилъ свое философское образованіе въ размѣрѣ курсовъ высшихъ лхасскихъ школъ, и принялъ въ свои руки свѣтское управленіе Тибетомъ.

За малолѣтствомъ Далай-Ламы, правителями страны назначаются регенты изъ знатнѣйшихъ тибетскихъ хутухтъ.

Послѣ смерти пятаго Далай-Ламы, въ теченіе почти сорока лѣтъ, далай-ламы сдѣлались предлогомъ политическихъ интригъ разныхъ властолюбцевъ, пока рядъ историческихъ событій не

уничтожилъ въ Тибетѣ власти монгольскихъ и туземныхъ князей, и пока, наконецъ, въ 1751 году, не было признано за Далай-Ламой преобладающее вліяніе, какъ духовное, такъ и свѣтское. Избраніе Далай-Ламы до 1823 года — года выбора десятаго перерожденца — основывалось на предсказаніяхъ высшихъ ламъ и опредѣленіи прорицателей, что равносильно выбору вліятельныхъ лицъ, но, при выборѣ десятаго перерожденца, впервые было примѣнено на практикѣ, установленное при императорѣ Цянь-Лунѣ, метаніе жребія, посредствомъ такъ называемой „сѣрбумъ“ или „золотой урны“. Оно состоитъ въ томъ, что имена трехъ кандидатовъ, опредѣленныхъ прѣжнимъ порядкомъ, пишутся на отдѣльныхъ билетикахъ; послѣдніе кладутъ въ золотую урну, которая сначала ставится передъ большой статуей Чжово-Сакья-муни и возлѣ нея совершается депутатами отъ монастырей богослуженіе о правильномъ опредѣленіи перерожденца. Затѣмъ, урна переносится въ Потал-ы, во дворецъ Далай-Ламы, и здѣсь, передъ дощечкой съ именемъ императора, въ присутствіи высшихъ правителей Тибета и депутацій отъ главнѣйшихъ монастырей, маньчжурской амбань, посредствомъ двухъ палочекъ, замѣняющихъ у китайцевъ вилки, вытаскиваетъ одинъ изъ билетиковъ. Чье имя написано на этомъ билетикѣ, тотъ и возводится на далай-ламскій престолъ. Избраніе перерожденца обыкновенно привѣтствуется китайскимъ богдыханомъ въ видѣ торжественной присылки высшаго духовнаго или свѣтскаго лица, хранящаго императорскую духовную печать. Означенное лицо привозитъ художественно исполненные изъ золота или драгоценныхъ камней письменные знаки, означающіе имя и титулъ перерожденца.

У П. К. Козлова съ Далай-Ламой, послѣ двухъ-трехъ свиданій, установились наилучшія отношенія, благодаря которымъ нашъ путешественникъ могъ свободнѣе наблюдать за всѣмъ тѣмъ, что его интересовало, и составляло задачу по отношенію къ тибетцамъ и по отношенію къ монголамъ, въ особенности къ пріѣзжимъ изъ разныхъ уголковъ Монголіи монгольскимъ князьямъ, съ довѣріемъ и дружбой относившимся къ нему.

„Первое мое свиданіе съ Далай-Ламой, пишетъ П. К. Козловъ, состоялось перваго іюля (1905 г.), въ три часа дня. Я отправился въ телѣжкѣ, запряженной одиночкой, въ сопровожденіи моихъ двухъ спутниковъ Телешова и Афутина, ѣхавшихъ верхами. У монастыря, передъ главнымъ входомъ, толпилось множество паломниковъ. Здѣсь меня встрѣтили: хоринскій почетный зайсанъ—буряты Дылыковъ, состоящій при Далай-Ламѣ переводчикомъ съ монгольскаго на русскій языкъ, а также и въ качествѣ чиновника особыхъ порученій,

и двое-трое тибетцевъ, приближенныхъ Далай-Ламы. Войдя въ монастырскій дворъ и миновавъ нѣсколько юртъ и дверей, я очутился у далай-ламскаго флигеля, а минутою спустя и у самого Далай-Ламы, торжественно воссѣдавшего на тронѣ, противъ легкой сѣтчатой двери. Лицо великаго перерожденца было задумчиво—спокойно, чего, вѣроятно, нельзя было сказать относительно меня, находившагося въ нѣсколько возбужденномъ состояніи: вѣдь я стоялъ лицомъ къ лицу съ самимъ правителемъ Тибета, съ самимъ Далай-Ламой! Не вѣрилось, что моя завѣтная мечта, взлелѣянная въ теченіе многихъ лѣтъ, наконецъ, исполнилась, хотя исполнилась отчасти: я всегда мечталъ сначала увидѣть таинственную Лхасу, столицу Тибета, затѣмъ уже ея верховнаго представителя. Случилось наоборотъ: не видя Лхасы, я встрѣтился съ Далай-Ламой, я говорилъ съ нимъ... Я невольно впился глазами въ лицо великаго перерожденца и съ жадностью слѣдилъ за всѣми его движеніями. Подойдя къ нему, я возложилъ на его руки свѣтлый шелковый хадакъ ¹⁾, на что въ отвѣтъ одновременно получилъ отъ Далай-Ламы его хадакъ, голубой и тоже шелковый. Почтительно, по-европейски, кланаясь великому перерожденцу и произнося привѣтствованіе отъ имени Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, я, вслѣдъ за этимъ, подалъ знакъ моимъ спутникамъ приблизиться съ подарками и передать ихъ, въ присутствіи Далай-Ламы, его свѣтъ—министрамъ и секретарямъ. Далай-Лама привѣтливо улыбнулся и сдѣлалъ указаніе поставить подарки вблизи его обычнаго мѣста, затѣмъ, пригласивъ меня сѣсть на заранѣе приготовленный русскій стулъ, сталъ держать по-тибетски отвѣтную рѣчь. Голосъ его былъ пріятный, тихій, ровный; говорилъ Далай-Лама спокойно, плавно, послѣдовательно. Его тибетскую рѣчь переводилъ на монгольскій языкъ одинъ изъ его секретарей, Канчюнъ-сойбонъ, нѣсколько лѣтъ передъ этимъ прожившій въ Ургѣ; съ монгольскаго же языка на русскій переводилъ Дылыковъ. Послѣ обычныхъ привѣтственныхъ словъ: „Какъ вы доѣхали до Урги, какъ себя чувствуете послѣ дороги?“ и проч. Далай-Лама началъ благодарить Русское Географическое Общество, его главныхъ представителей, а также и лицъ другихъ учрежденій, способствовавшихъ осуществленію моей поѣздки въ Ургу. „Я уже имѣю удовольствіе знать Императорское Русское Географическое Общество—говорилъ Далай-Лама—оно вторично ²⁾ выражаетъ мнѣ знакъ своего вниманія и благорасполо-

¹⁾ Платъ счастья.

²⁾ Первое привѣтствіе Далай-Ламы отъ имени Географическаго Общества было поручено передать начальнику Тибетской экспедиціи П. К. Козлову, и

женія; вы же лично для меня интересны, какъ человѣкъ много путешествовавшій по моей странѣ“. Въ заключеніе, Далай-Лама сказалъ, что онъ, съ своей стороны, будетъ просить меня, уѣзжая въ Петербургъ, не отказать принять нѣчто для Географическаго Общества. Въ промежуткахъ между рѣчью, Далай-Лама часто смотрѣлъ мнѣ прямо въ лицо, и каждый разъ, когда наши взгляды встрѣчались, онъ слегка, соблюдая достоинство, улыбался. Вся его свита стояла въ почтительной позѣ и говорила, кромѣ лицъ переводившихъ, шепотомъ. Канчунъ-сойбонъ, выслушивая рѣчь отъ Далай-Ламы, или переводя ему отвѣтную, стоялъ передъ правителемъ Тибета съ опущенной внизъ головою, наклоненнымъ туловищемъ, и самый разговоръ произносилъ вполголоса, словораздѣльно. Въ видѣ угощенія, передо мною стояли чай и сласти. Далай-Лама также спросилъ себѣ чаю, и ему была налита чашка изъ спеціальнаго серебрянаго чайника и подана на золотомъ оригинальномъ блюдцѣ, закрытая золотой массивной крышкой“.

„Въ теченіе всего времени, пока шли обычные разговоры, лицо Далай-Ламы хранило величавое спокойствіе, но, какъ только вопросъ коснулся англичанъ, ихъ военной экспедиціи въ Тибетъ, оно тотчасъ перемѣнилось—покрылось грустью, глаза опустились, и голосъ сталъ нервно обрываться. При прощаніи, я пожелалъ правителю Тибета полного успѣха его благимъ стремленіямъ, на что Далай-Лама пріятно улыбнулся и вручилъ мнѣ второй хадакъ съ бронзовымъ изображеніемъ „Будды на алмазномъ престолѣ“, замѣтивъ что „мы будемъ часто видѣться“. Обрато я направился тѣмъ же путемъ“.

„Этотъ день, замѣчаетъ П. К. Козловъ, былъ для меня счастливѣйшимъ изъ всѣхъ дней, проведенныхъ когда-либо въ Азіи“.

Въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ П. К. Козловымъ въ Ургѣ, ему удалось перезнакомиться со всѣмъ дворомъ Далай-Ламы. Правитель Тибета любезно позволилъ спутнику-художнику П. К. Козлова срисовать съ себя нѣсколько портретовъ, лично же нашему путешественнику сфотографировать флигель Далай-Ламы и лицъ, сопутствовавшихъ ему въ его поѣздкѣ до Урги. Изъ произведенныхъ фотографій Далай-Лама пожелалъ имѣть всѣ по нѣскольку экземпляровъ; изъ трехъ же срисованныхъ собственныхъ портретовъ вручилъ П. К. Козлову два для представленія Государю

онъ его послалъ съ береговъ Ян-цзы-цзяна, весною 1901 года, черезъ посредство Тибетскаго посольства. См. „Монголія и Камъ“, т. I, ч. II, стр. 484.

Будда на лъвиномъ престолъ.

Императору ¹⁾, при царскомъ хадакѣ. Портреты эти снабжены золочеными тибетскими письменами, выражающими титулъ Далай-Ламы: „Портретъ владѣтеля всего свѣтскаго правленія и религiи всевѣдущаго Вадрадара, тринадцатаго перерожденца Далай-Ламы, держащаго бѣлый лотосъ сакьяскаго гелона (высшій духовный обѣтъ послѣдователей сакья-муни), чжэбцзунь - агванъ - ловсанъ - тубданъ-гіамцо-джигбралъ-ванчукъ-чоглай-намбаръ-гіамба (верховный владѣтель языка—ораторъ геніальный, всесильный—море-безстрашный, полноправный, совершенный, побѣдитель всего“). Оригинальныя письмена на портретахъ художественно исполнены двумя писцами канцелярiи Далай-Ламы, съ рукописи и подѣ редакціею послѣдняго; одинъ писецъ писалъ тушью тибетскіе іероглифы, другой покрывалъ ихъ золотомъ... Ни одинъ изъ писцовъ, исполнявшихъ свое дѣло на колѣняхъ, не смѣлъ поднять глазъ на своего владыку.

Географическому Обществу Далай-Лама поручилъ передать очень интересныя предметы культа и другіе, преимущественно входящiе въ составъ духовнаго оркестра; изъ этихъ послѣднихъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ гонгъ. Кромѣ того, при прощальной аудiенціи, Далай-Лама, трогательно напутствуя П. К. Козлова, далъ ему нѣсколько тибетскихъ бурхановъ, съ хадаками, для поднесенія представителямъ вѣдомствъ или учрежденiй, принимавшимъ близкое участіе въ командированiи П. К. Козлова въ Ургу. Лично же путешественника Далай-Лама одарилъ двумя отличными изображенiями: Буддой на Львиномъ престолѣ и Майтреи, при чемъ замѣтилъ, чтобы П. К. Козловъ съ ними никогда не разставался, въ особенности съ Майтреи, какъ съ Богомъ—покровителемъ путешествующихъ.

„Итакъ, говоритъ въ заключеніе П. К. Козловъ, моя одна заветная мечта, унаслѣдованная отъ моего незабвеннаго учителя Н. М. Пржевальскаго—увидѣть Далай-Ламу—исполнилась. Надо надѣяться, что, поддержанный довѣріемъ *Русскаго Географическаго Общества*, я увижу и столицу Тибета—Лхасу“.

...Самый высокій интересъ со стороны культурнаго міра былъ проявленъ къ послѣдней Монголо-Сычуаньской экспедиціи П. К. Козлова, 1907—1909 г.г., открывшей въ центрѣ Монголіи, въ низовьи Эцзинъ-гола, мертвый городъ Хара-хото.

Хара-хото или Си-ся, какъ извѣстно, подарилъ современной наукѣ огромное богатство памятниковъ старины: свыше тысячи

¹⁾ Фотографическій снимокъ съ одного изъ этихъ портретовъ и приложенъ къ статьѣ о Далай-Ламѣ здѣсь, на страницахъ журнала „Русской Старины“.

томовъ книгъ ¹⁾ и множество свитковъ и бумагъ, собраніе въ нѣсколько сотъ экземпляровъ буддѣйской иконописи; кромѣ того нѣсколько бронзовыхъ или глиняныхъ статуэтокъ и статуй, клише, ассигнаціи и металлическіе денежные знаки, предметы обихода и предметы роскоши, черепъ гэгэна-перерожденца, погребеннаго въ „знаменитомъ“ субурганѣ (надгробіи), вмѣстѣ съ главными находками въ Хара-хото, и многое, многое другое, поступившее теперь, согласно волѣ Государя Императора, въ Русскій Музей Александра III.

Кромѣ археологической коллекціи, монголо-сычуаньская экспедиція доставила богатое собраніе этнографическихъ предметовъ, въ особенности по буддѣйскому культу и китайской старинѣ, распределенныхъ между Императорской Академіей Наукъ и тѣмъ же Русскимъ музеемъ Александра III.

Что касается до изслѣдованія природы—коллекцій геологическихъ, ботаническихъ и зоологическихъ, то, по признанію географическаго общества и спеціальныхъ учреждений и лицъ, получившихъ въ обработку естественно-историческій матеріалъ экспедиціи, коллекціи эти представлены полно, разнообразно, съ подробными записями и чертежами или даже спеціальными журналами и дневниками. Начальникъ экспедиціи готовитъ общее историко-географическое описаніе путешествія; его помощники: Черновъ занятъ обработкой геологическихъ сборовъ, Напалковъ — приведеніемъ въ порядокъ картографическихъ данныхъ.

Наука съ нетерпѣніемъ будетъ ожидать выхода въ свѣтъ періодическихъ описаній находокъ въ Хара-хото, и надо надѣяться, что наши синологи-востоковѣды съ тѣмъ же интересомъ будутъ работать надъ Хара-хото, съ какимъ встрѣтили его богатое собраніе коллекцій, только-что появившихся тогда въ Петербургѣ и привлечшихъ къ обзорѣнію ихъ выставки массу столичной публики. Императорское Географическое Общество, съ Высочайшаго соизволенія, передавшее Хара-хото цѣликомъ въ Русскій музей Александра III, обязано слѣдить за скорѣйшей разработкой археологическихъ коллекцій, такъ счастливо добытыхъ ея экспедиціей: съ своей же стороны и Русскій Музей Александра III, надо думать, приметъ надлежащія мѣры не только къ должной группировкѣ и установкѣ коллекцій въ своемъ превосходномъ помѣщеніи, но и къ изящному воплощенію результатовъ Хара-хото съ точки зрѣнія научной обработки.

¹⁾ Книги написаны на китайскомъ, монгольскомъ, маньчжурскомъ, тибетскомъ, персидскомъ, уйгурскомъ и на невѣдомомъ языкѣ. Невѣдомый или такъ называемый языкъ Си-ся уже началъ расшифровываться благодаря словарю, найденному среди харахотоской библіотеки.

Агванъ Доржіевъ

Съ эпизодической стороны Монголо-Сычуаньское путешествіе въ высшей степени интересно первымъ плаваніемъ по огромному, до 350-ти верстному (въ окружности) альпійскому озеру Куку-нору и посѣщеніемъ участниками экспедиціи его таинственнаго острова Куйсу, обитаемаго тремя отшельниками — монахами, смертельно перепугавшимися сказочнаго появленія на островѣ русскихъ. Еще болѣе захватывающимъ образомъ дѣйствуетъ картина ночной атаки амдоскихъ разбойниковъ на маленькій лагерь русской экспедиціи—горсточку русскихъ, затерявшихъ въ глубинѣ Нагорной Азіи...

Такова, въ общихъ чертахъ, дѣятельность П. К. Козлова какъ русскаго путешественника въ Центральной Азіи вообще и начальника Монголо-Сычуаньской экспедиціи въ частности,—путешественника, снискавшаго со стороны родины лестную оцѣнку въ рядѣ высокихъ почетныхъ наградъ.

Девятаго марта, 1910 года, Государь Императоръ пожаловалъ начальнику Монголо-Сычуаньской экспедиціи чинъ полковника (со старшинствомъ съ 13-го января 1909 года—день стычки) и увеличеніе пожизненной пенсіи, а двадцать пятого марта полковникъ Козловъ имѣлъ счастье въ Высочайшемъ Государя Императора присутствіи, въ Царскомъ Селѣ, прочесть лекцію о своемъ путешествіи съ демонстрированіемъ діапозитивовъ и характерныхъ образцовъ находокъ въ открытомъ имъ городѣ Хара-хото, за что награжденъ подаркомъ изъ кабинета Его Императорскаго Величества.

Вице-президентъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, членъ Государственнаго Совѣта, П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій поднесъ П. К. Козлову дипломъ на званіе почетнаго члена означеннаго Общества.

Въ заключеніе, можно отмѣтить въ отчетномъ 1910 году двѣ послѣднія чрезвычайныя награды: Англійское и Итальянское географическія Общества присудили нашему путешественнику, полковнику Козлову, за его открытія въ Центральной Азіи, большія золотыя королевскія медали...

В—ъ.

